

ГИПОТЕЗЫ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-1-89-97

О.Б.Заславский¹

Харьковский национальный университет им. В.Н.Каразина

«ОТ ЭТИХ ЗНАТНЫХ ГОСПОД...»: ТЕКСТ – ПРЕДВЕСТИЕ

Представлены аргументы в пользу того, что пушкинский текст, печатаемый под условным названием «От этих знатных господ...», является законченным художественным произведением. При этом в тексте находятся в сгущенном виде намеки на скорую насильственную смерть тюремщика (а не приговоренного к казни). В результате текст в целом становится предвестием события, в нем не показанного. Обрыв текста соотносится с темой обрыва жизни. Причем получается столкновение двух видов смерти: она присутствует как система (представителем которой является тюремщик) и как эксцесс (реконструируемая последующая гибель тюремщика – вероятно в ходе освобождения приговоренного). В целом, Пушкин ставит в этом миниатюрном произведении вопрос о соотношении репрессивной системы и индивидуальной ответственности человека.

Ключевые слова: сюжет, структура текста, псевдооборванный текст

O. B. Zaslavskii

Kharkov V. N. Karazin National University

“FROM THESE NOBLE GENTLEMEN...”: TEXT – OMEN

We suggest arguments that Pushkin’s work published under a conditional title “From these noble gentlemen...” is, as a matter of fact, completely finished. This text contains (in a suggestive form) hints at a forthcoming violent death of a jailer (but not of a person who was condemned to the execution). As a result, the text as a whole becomes an omen of an event that is not explicated but can be anticipated to occur soon. The break of the text is related to the theme of the break of life. In doing so, two kinds of death are juxtaposed. Death is present as an action of a system presented by a jailer and as an excess (probably, because of the attempt to liberate a convict). As a whole, Pushkin poses a question about relation between a repressive system and an individual responsibility of a person.

Key words: plot, structure of text, pseudobroken text

Введение

Среди бумаг Пушкина остался текст, который считается наброском неосуществленного замысла и относится к 1834-му или 1835-му году. В 7-м томе академического собрания в 16-ти томах он указан в Содержании под условным названием «От этих знатных господ...» по первым словам текста [Пушкин, 1935,

¹ Олег Борисович Заславский – доктор физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

с. 727]. Есть основания считать, что он восходит к замыслу произведения о сыне палача: от этого замысла остался план. Соответственно, в современном 20-томном собрании сочинений печатается единый текст под условным названием «Драма о сыне палача». Его 1-й раздел составляет указанный выше план, а 2-й – текст произведения «От этих знатных господ...», получивший там условный подзаголовок «Тюремщик» [Пушкин, 2009, с. 248–249]. (Подробно история и литературный контекст изложены в комментариях, составленных Н.Л.Дмитриевой [Пушкин, 2009, с. 1014–1019]).

Однако связь между текстом «От этих знатных господ...» и планом произведения о сыне палача остается все же гипотетической и содержит неувязки [Неизданный Пушкин, 1922, с. 170] (в частности, в тексте отсутствует такой персонаж, как сын палача). Кроме того, даже при наличии плана текст в процессе написания мог существенно от него отклониться. Характерным примером является ситуация с другим драматургическим текстом того же времени – «Сценами из рыцарских времен». Есть основания полагать, что часть плана осталась не реализованной просто потому, что Пушкин завершил «Сцены» [Рецептер, 2014, с. 93–117], [Заславский, 2010].

Все это заставляет отнестись к имеющемуся тексту «Драмы» без непременно увязывания имеющегося текста с планом. И, как мы постараемся это аргументировать ниже, «Драма» на самом деле не является наброском будущего произведения, а представляет собой самостоятельный художественный, причем полностью завершённый текст.

Ниже мы приводим текст обсуждаемого произведения.

От этих знатных господ покою нет и нашему брату тюремщику. Простых людей, слава богу, мы вешаем каждую пятницу, и никогда с ними никаких хлопот. Прочтут им приговор, священник причастит их на скорую руку, дадут бутылку вина; коли есть жена или ребятишки, коли отец или мать еще живы, впустишь их на минуту, а чуть лишь слишком завоют или заболтаются, так и вон милости просим. На рассвете придет за ними Жак-палач – и все кончено. А вот посадили к нам графа Конрада, так я и жизни не рад. Я у него на посылках. Принеси то-то, скажи то, кликни того-то. Начальство поминутно меня требует: все ли у тебя исправно? да не ушел ли он? да не зарезался бы он? да доволен ли он? Черт побери знатных господ! И с тех пор, как судьи приговорили его к смерти, так тюрьма моя сделалась трактиром, ей-богу, трактиром. И друзья, и родня, и знакомые – все лезут с ним прощаться, – отпирай всякому, да смотри за всеми, да не смей никого обидеть; и хоть бы что-нибудь в руку перепало, да нет, всё народ благородный – свободен от всех податей. Право, ни на что не похоже! Слава богу, что утром отрубят ему голову, а уж эту ночь напляшемся...

Стучат.

Это кто стучится? (*Идет к дверям и открывает окошечко.*) Что вам надобно?

Слуга (*за дверью*). Отворяй, – графиня с дочерью!

Тюремщик. А где пропуск?

Слуга (*бросает ему бумагу*). На! скорее ж! поворачивайся!

Тюремщик. Сейчас, сейчас! экая каторга!

Отворяет двери. Входят графиня и дочь ее, обе в черном платье. Тюремщик им низко кланяется.

Мотив обезглавливания в структуре текста

Прежде всего, обратим внимание на следующие особенности. Текст, как и положено в драматическом произведении, состоит из монолога и диалогов действующих лиц. Когда между слугой и тюремщиком происходит обмен репликами, в тексте указано, кому какая реплика принадлежит. Также упоминается появление других персонажей – графини и ее дочери. На этом фоне становится особенно значимым, что монолог тюремщика в самом начале дан совсем без идентификации – хотя этот монолог значительно более обширен, чем короткие реплики слуги. Другими словами, сценическое имя персонажа как бы устранено. Но, как известно, имя представляет человека [Топоров, 1980, с. 508–510]; поэтому, если нет имени – то как бы нет и человека. В данном контексте это – не что иное, как структурно-семиотический аналог обезглавливания! В обоих случаях человек лишается своего идентификатора (имени или головы).

Теперь обратим внимание, чем заканчивается текст. «Тюремщик им низко кланяется». Это означает, что он наклоняется, подставляя шею под воображаемый топор. Таким образом, мотивы обезглавливания маркируют как начало текста, так и его окончание.

Более того, они скрытым образом возникают и в середине. Услышав стук, тюремщик «Идет к дверям и отворяет окошечко». Но небольшое окошко в двери предназначено как раз для идентификации проходящих. Если посетитель подходит близко к окошку, то не только тюремщик может увидеть лицо и голову пришедшего, но и пришедший может увидеть голову (лицо) тюремщика. Соответственно, бумага, брошенная слугой тюремщику, должна попасть тому в голову (лицо). Лист бумаги при этом аналогичен полотну топора. Если лист находится в развернутом состоянии, аналогия очевидна. Если лист скатан в трубку (о чем пояснений нет), эта аналогия становится менее очевидной, но все равно присутствует.

Таким образом, в тексте содержатся намеки на обезглавливание, причем во всех трех случаях они относятся не к приговоренному (который в тексте вообще никак не появляется), а к его тюремщику. Это можно интерпретировать только одним образом: тюремщику угрожает близкая смерть – вероятно, в результате попытки пришедших освободить графа Конрада. В пользу этого говорит и дополнительное обстоятельство – появившиеся фигуры в черном; за тюремщиком как бы пришла сама смерть. Другой (не столь прямой) вариант может состоять в казни за то, что он упустил важного преступника. И тогда приобретает зловещий смысл чрезмерное беспокойство начальства об этом графе, на которое жаловался тюремщик. Также, если с учетом сделанных наблюдений прочитать текст от конца к началу, то окажется, что и самое первое предложение («От этих знат-

ных господ покою нет и нашему брату тюремщику») содержит зловещий намек. А именно, жалующийся на отсутствие *покоя* рискует скоро сам стать *покойником*. К этому можно добавить жалобу тюремщика «я и жизни не рад».

Сказанное проявляет себя также в композиции. Сначала идет основная часть (монолог тюремщика), а потом малый довесок к ней – фрагмент с приходом дочери и слуги графа. Получается как бы основное тело и голова.

Мотив завершения проявляет себя и в том, что казни совершаются на рассвете. Это (само по себе вполне стандартное обстоятельство) в данном контексте актуализует момент обрыва ранее длившегося процесса; для казнимого день так и не наступает; его начало совпадает с концом жизни.

Одновременно, выявление данных мотивов позволяет сделать вполне определенные выводы о статусе текста. Тема текста связана с обезглавливанием заключенного; в нем также выявлен мотив обезглавливания, относящийся к главному герою (тюремщику) и реализованный в том числе и в самом конце. Но тогда напрашивается неизбежный вывод: обрыв текста является намеренным художественным приемом. На текстовом уровне такое отсечение имеющегося текста от дальнейшего является структурным аналогом отсечения головы. То есть произведение принадлежит к категории текстов, которые ранее были нами выявлены в других произведениях Пушкина (а также Лермонтова и Гоголя) и названы псевдооборванными [Заславский, 2006]. В них обрывается сюжет, но само произведение оказывается художественно цельным. Сам же обрыв тематизируется и является носителем художественного смысла. В большинстве случаев он связан с темой смерти, пресечения человеческой жизни, что структурно повторяется в пресечении самого текста².

Частичность

Обезглавливание означает отделение головы от тела. С общей точки зрения, это означает актуализацию соотношения части и целого. И здесь действительно присутствуют детали, нагруженные именно таким смыслом. Тюремщик упоминает о том, что приговоренных причащают. Но приЧАСТие означает вкушение тела Христа на основе принципа метонимии (часть вместо целого). Это еще больше подчеркивается тем, что потом приговоренным дают бутылку вина: поскольку причастие и так означает принятие небольшой дозы вина, то между собой поставлены в связь малая часть объекта и сам этот объект.

Ситуация, которую описывает тюремщик, отличается дробностью: целое как бы распалось на составлявшие его части. Есть целый ряд действий и состояний, вызванных указаниями и расспросами начальства: «все ли у тебя исправно?

² Еще одним потенциально значимым в данном контексте элементом является заглавие. Соблазнительно думать, что в беловом тексте Пушкин оставил бы произведение вообще без заглавия, тем самым еще раз реализовав мотив обезглавливания. Однако столь прямолинейная манера оказалось бы, вероятно, чужда Пушкину. По-видимому, он нашел бы такое решение, чтобы можно было не выпячивать этот принцип, но в то же время семантизировать заглавие. Скажем, так было в «Отрывке» [Заславский, 2003/2005].

да не ушел ли он? да не зарезался бы он? да доволен ли он?». Причем начальство требует это «поминутно»: само время как бы распалось на мелкие частицы. Сходным образом терзает тюремщика и сам приговоренный: «Принеси то-то, скажи то, кликни того-то».

В последнем случае дробность ощущается уже на уровне слова: «то-то» и «того-то» представляют собой как бы слабо связанные образования, готовые к распаду на две части.

Сходный эффект проявляет себя и на уровне имен. «А вот посадили к нам графа Конрада, так я и жизни не рад». Свое состояние тюремщик характеризует словом, которое как бы отделено от имени приговоренного: «КонРАД» – «РАД». А принимая его имя без 1-й части, тюремщик принимает и его судьбу – утратить свою головную часть. Кроме того, имя палача представлено как двойное: Жак-палач, что косвенным образом также можно связать с потенциальной утратой головы.

Тюремщик жалуется: «От этих знатных господ покою нет и нашему брату тюремщику». Субъектом неприятностей здесь объявляется не одна персона (например, сам говорящий), а множество, к которому он принадлежит. Поскольку этот герой назван «Тюремщик», а собственно имени у него нет (в противоположность палачу), то следует считать это эквивалентом имени. Но тогда получается размывание индивидуума и растворение его в общем множестве.

Это же свойство проявляет себя и по отношению к знатым господам. В тюрьму из них посажен только граф Конрад, о других случаях тюремщик вообще не вспоминает. Тем не менее, инвективы сыплются из его уст на знатных господ как сословие: человек выступает как метонимия, часть целого.

Сдвиг функций действующих лиц

Сказанное выше означает, что идентичность субъекта перестает быть чем-то неотменяемым и однозначным. По отношению к фиксированным ролям персонажей здесь ожидается серьезный сдвиг. В паре жертва – палач смертельный удар должен будет обрушиться на того, кто принадлежит именно к карающей силе. Можно в этой связи вспомнить пушкинское стихотворение «Воевода», где воевода и хлопец по его приказанию должны были застрелить жену воеводы и ее возлюбленного, но вместо этого хлопец стреляет в воеводу.

Но и в самом тексте есть определенные намеки на то, что статус жертвы не является однозначно четким и размазывается. «Прочтут им приговор, священник причастит их на скорую руку, дадут бутылку вина; коли есть жена или ребяташки, коли отец или мать еще живы,пустишь их на минуту, а чуть лишь слишком завоют или заболтаются, так и вон милости просим. На рассвете придет за ними Жак-палач – и все кончено». Кто здесь подразумевается под местоимениями «им», «их»? Сначала это – множество приговоренных. Но тут же, в том же предложении и без перерыва оказывается, что оно относится и к выпускаемым на последнее свидание. В следующем же предложении (опять без перехода) это вновь относится к приговоренным.

Еще один сдвиг (обмен) ролей выражается в том, что заключенный ведет себя по отношению к тюремщику как хозяин, а тот – как слуга ему. А когда в тюрьму приходит слуга, то это соотношение повторяется.

Христианские мотивы

Приведенные выше соображения означают, что в определенном смысле тюремщику предстояло стать жертвой за другого. Это актуализует христианские мотивы, присутствующие в тексте. Действительно, тюремщик говорит, что простых людей они вешают каждую пятницу. Время казни здесь указывает на время распятия. Причем с этой информацией соседствует выражение «слава богу»: «Простых людей, слава богу, мы вешаем каждую пятницу». Еще раз «слава богу» возникает в конце монолога, при предвкушении тюремщиком казни его невольного врага – графа Конрада.

Другие предвестия и оппозиции³

Имя приговоренного к смерти – Конрад. Однако Conrad означает как «мудрый советник», так и «священник»⁴. С учетом сделанных выше наблюдений, его можно считать символическим «священником», который «исповедовал» тюремщика перед тем, как его «казнили» жена и дочь графа. А священника, о котором говорит тюремщик, можно считать предвестием смерти самого тюремщика.

В тексте выделяется оппозиция, связанная с семейными отношениями: «жена и ребятишки» простолюдина в начале текста и «жена и дочь» знатного человека в конце. Первые спокойно ожидают смерти главы семьи, а вторые пришли предотвратить смерть главы семьи.

Приговорённому простолюдину наливают вина перед казнью – за упокой души. Поскольку, по словам тюремщика, тюрьма превратилась в трактир, это означает, что в камере Конрада также выпивали. Тогда получается, что приговорённый знатный человек в «трактире» пьет как бы за упокой души тюремщика.

Тюремщик рассуждает о казни «простых людей», а ведь сам к ним относится. То есть, это может быть предвестием его собственной казни.

В «нормальной» ситуации простые люди (тюремщик, палач) казнят знатных. В предсказываемой (ожидаемой) получается наоборот: знатные казнят тюремщика⁵.

Идейная структура

Рассказ тюремщика о тюремных порядках имеет вполне четкую структуру. Сначала (после предварительного оценочного суждения о господах) он рассказывает о *норме*, которая реализуется в случае простых людей. Затем он рассказы-

³ Наблюдениями, изложенными этом разделе, с автором поделился В.И. Пимонов. Благодаря В.И. Пимонова за эти и многие другие ценные замечания и стимулирующий интерес к работе.

⁴ См.: https://db.anumuseum.org.il/skn/en/c6/e236615/Family_Name/CONRAD.

⁵ Это можно рассматривать как инверсию, типичную для сюжетных текстов. См. [Славутин, Пимонов, 2018, с. 24–28].

вает о ее нарушении, связанном со знатными господами (конкретно, графом Конрадом). А после этого тюремщик выражает надежды на восстановление порядка после того, как Конраду наконец отрубят голову. Казалось бы, налицо классическая триада «исходный порядок – его нарушение – восстановление порядка» в микрокосме тюрьмы.

Однако, если принять во внимание высказанные выше соображения, то все радикально меняется. Вместо восстановления порядка ожидается его окончательное уничтожение и катастрофа, обрушивающаяся на голову того, кто призван этот порядок поддерживать. «Винтик» системы по уничтожению людей должен был стать жертвой освободителей.

Исходный мир тюрьмы аномален сам по себе; но угрожающая ему катастрофа не нормализует его, а просто уничтожает вместе с его представителем. Тюремщик, сколь отталкивающей ни была бы его фигура, не выносит смертные приговоры и не приводит их в действие. Однако именно ему (согласно нашей реконструкции) и предстоит умереть. Одновременно, получается столкновение двух видов смерти: она присутствует как система (представителем которой является тюремщик) и как эксцесс (реконструируемая последующая гибель тюремщика в ходе освобождения).

Можно думать, что здесь Пушкин ставит проблему индивидуальной ответственности и ее соотношения с общей системой, а также соотношения между репрессивной системой и ее разрушителями – все то, что затем оказалось столь актуальным в 20-м веке.

Заключение

Таким образом, текст, по нашему мнению, ушел очень далеко от первоначального плана. Это лишний раз демонстрирует, что главным фактором для понимания текста должен быть анализ его собственной структуры. В процессе написания многое может поменяться – вероятно, неконтролируемым и неожиданным образом для самого автора.

Если учесть сделанные выше соображения, то это, по-видимому, приводит к расширению классификации текстов прозаических и драматургических произведений. Характерной чертой сюжетного текста является наличие в нем предвестия [Слаутин, Пимонов, 2018]. И даже если впоследствии оно не оправдывается, оно тем не менее не теряет своей функции. Это предполагает возможность сравнения самого предвестия и его реализации в тексте (или значимого отсутствия такой реализации – вроде нестреляющего ружья). В случае псевдооборванного текста такой возможности нет, поскольку сюжет не продолжается, но, как правило, на возможные варианты отсутствующего продолжения (смерть, освобождение и т. п.) в тексте в явном виде присутствуют намеки. В частности, это относится к таким произведениям, как «Сцены из рыцарских времен», «Египетские ночи», «Мы проводили вечер на даче». Между тем, в данном случае соответствующие признаки не затрагивают сюжетные ходы напрямую. Они касаются лишь присутствия отдельных ключевых мотивов, композиции, оппозиций типа единичное-множественное и т. п. Роль предвестия берет на себя сама структура текста в целом.

Данный пример показывает, что имеет смысл ввести понятие «текст-предвестие». Его характерная черта: отсутствие явной информации о грядущих событиях, которые, однако, реконструируются из самой структуры текста. Подчеркнем, что псевдооборванный текст и текст – предвестие – это, вообще говоря, разные вещи, которые могут и не сочетаться друг с другом (в данном случае то и другое совпало). Псевдооборванный текст тяготеет к концентрации на процессе, который был прерван обрывом (например, это может быть связано со смертью героя), что актуализует прошлое, которому закрыто продолжение. В то время как текст-предвестие акцентирует события в будущем, которые так и не наступят⁶.

Изучение поздней прозы Пушкина не только представляется важным для исследования его творчества, но и открывает новые перспективы в теоретической поэтике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вацуро, В. Э. Последняя повесть Лермонтова / В. Э. Вацуро // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. – Ленинград, 1979. – С. 223–252.

Заславский, О. Б. Структурные парадоксы пушкинского «Отрывка» («Не смотря на великие преимущества...») / О. Б. Заславский // *Philologica*. – 2003/2005. Том 8. – № 19/20. – С. 205–207. – URL: https://rvb.ru/philologica/08rus/08rus_zaslavskij.htm. (Дата обращения: 11.01.2022).

Заславский, О. Б. Структурные парадоксы русской литературы и поэтика псевдооборванного текста / О. Б. Заславский // *Sign systems studies*. – 2006. – Vol. 34 (1). – P. 261–269.

Заславский, О. Б. «Сцены из рыцарских времен»: Обрыв сюжета как признак завершенности текста / О. Б. Заславский // *Toronto Slavic Quarterly*. – 2010. – № 32. – URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_zaslavskii_sseny_iz_rytsarskikh.pdf. (Дата обращения: 11.01.2022).

Заславский, О. Б. Поэтика Лермонтова. Опыт структурного анализа: монография / О. Б. Заславский. – Москва, Флинта, 2022. – 372 с.

Пушкин А. С. Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. – Санкт-Петербург: Атеней, 1922. – 235 с. (Труды Пушкинского дома при Российской академии наук).

Пушкин, А. С. Собрание сочинений: в 16 т. / А. С. Пушкин. – Москва; Ленинград, Изд-во АН СССР, 1948. Т. 7. – 395 с.

Пушкин, А. С. Собрание сочинений в 20 т. / А. С. Пушкин. – Санкт-Петербург: Наука, 2009. Т. 7. – 1070 с.

Рецептер, В. Э. Принц Пушкин или Драматическое хозяйство поэта / В. Э. Рецептер. – Санкт-Петербург, Журн. «Звезда», 2014. – 555 с.

⁶ В принципе, наличие текста – предвестия не исключает сосуществования двух вариантов произведения – краткого и полного. Именно так было с лермонтовским «Штоссом». В. Э. Вацуро писал о том, что хотя предполагалось продолжение, на момент публикации повесть мыслилась как законченная [Вацуро, 1979, с. 252]. Эти соображения были существенно развиты в нашей работе [Заславский, 2022, с. 116–131].

Славутин Е.И. Структура сюжета / Е.И.Славутин, В. И. Пимонов. – Москва, Флинта, 2019. – 169 с.

Топоров, В. Н. Имена / В.Н.Топоров // Мифы народов мира: в 2 т. Т. 1. – Москва: Советская энциклопедия, 1980. – С. 508–510.

REFERENCES

Pushkin, A. S. Neizdannyy Pushkin. Sbranie A.F.Onegina. – Sankt-Peterburg: Atenej, 1922. – 235 s. (Trudy Pushkinskogo doma pri Rossijskoj akademii nauk).

Pushkin, A. S. Sbranie sochinenij: v 16 t. / A.S.Pushkin. – Moskva; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1948. T. 7. – 395 s.

Pushkin, A. S. Sbranie sochinenij: v 20 t. / A.S.Pushkin. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2009. T.7. – 1070 s.

Recepter, V. E. Princ Pushkin ili Dramaticheskoe hozyajstvo poeta / V.E.Recepter. – Sankt-Peterburg, Zhurn. «Zvezda», 2014. – 555 s.

Slavutin, E. I. Struktura syuzheta / E.I.Slavutin, V. I. Pimonov. – Moskva, Flinta, 2019. – 169 s.

Топоров, В. Н. Имена / В.Н.Топоров // Мифы народов мира: в 2 т. Т. 1. – Москва: Sovetskaya enciklopediya, 1980. – С. 508–510.

Vacuro, V. E. Poslednyaya povest' Lermontova / V.E.Vacuro // M. Yu. Lermontov: Issledovaniya i materialy. – Leningrad, 1979. – S. 223–252.

Zaslavskij, O. B. Strukturnye paradoksy pushkinskogo «Otryvka» («Ne smotrya na velikie preimushchestva...») / O.B.Zaslavskij // Philologica. – 2003/2005. T. 8. – № 19/20. – S. 205–207. – URL: https://rvb.ru/philologica/08rus/08rus_zaslavskij.htm. (Data obrashcheniya: 14.12.2021).

Zaslavskij, O. B. Strukturnye paradoksy russkoj literatury i poetika psevdooborvannogo teksta / O.B.Zaslavskij // Sign systems studies. – 2006. – Vol. 34 (1). – P. 261–269.

Zaslavskij, O. B. «Sceny iz rycarskih vremen»: Obyv syuzheta kak priznak zavershennosti teksta / O.B.Zaslavskij // Toronto Slavic Quarterly. – 2010. – № 32. – URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_zaslavskii_tsdeny_iz_rytsarskikh.pdf. (Data obrashcheniya: 11.01.2022).

Zaslavskij, O. B. Poetika Lermontova. Opyt strukturnogo analiza: monografiya / O.B.Zaslavskij. – Moskva, Flinta, 2022. – 372 s.